

вовали в духе. Это означает, что священники были прообразом человеческой природы Христа, а цари — его божественной природы. Поэтому было естественно, что цари тогда обладали властью над священниками. Так должно быть и теперь, и по более веским основаниям, ибо те и другие помазаны Господом. А Христос — вечный Царь; Он Царь, потому что Он — Бог и равен Отцу, тогда как, чтобы стать священником, Он должен был принять человеческую природу. Иными словами, Христос есть царь, но Он является священником только потому, что стал им. Следовательно, во Христе царская власть превосходит священническую, поскольку его божественная природа превосходит природу человеческую. Итак, священник — образ и действующее лицо более низ-

— Глава V. Философия в XII веке

254

ких природы и назначения, а именно человеческих, тогда как царь — образ и действующее лицо более высоких природы и назначения, а именно божественных. Вот почему, заключает автор, некоторые люди полагают, что королевская власть могущественнее и возвышеннее власти священнической, «*et rex major et praestantior quam sacerdos, utpote melioris et praestantioris Christi naturae imitatio sive potestatis emulatio*»*.

Это любопытное учение изображали как «метафизику государства». Однако оно не содержит ни одного сколько-нибудь осязаемого метафизического компонента. Вызванная к жизни одним из бесчисленных конфликтов по вопросу об инвеституре, данная концепция Церкви и королевской власти не менее «сакральна», чем концепция, ей противоположная. Король здесь поставлен выше священника не как мирянин, не в силу какого-то превосходства земного над духовным, но, напротив, как король-священник и